

**ФРАЗЕОЛОГИЗМ *БЕЛЫЙ СВЕТ* КАК СРЕДСТВО ОПИСАНИЯ
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ
ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ МОДЕЛИ МИРА**

Предполагается, что семантически тавтологическое сочетание *белый свет* первоначально означало 'утренний рассвет', как, например, в русских балладах: «Как со вечера приказ отдан был, / Со полуночи ружья чищены, / Ко белу свету в поход пошли» с параллельной темпоральной триадой: «Со вечера голова болит, / Ко полуночи переставилась, / Ко белой заре хоронить несут». Однако уже в древний период у сочетания *белый свет* развилось и пространственное значение 'окружающий мир', 'земля со всем существующим на ней'.

Можно заключить, что в выражении *белый свет* прежде всего акцентируются визуальные характеристики, реализация которых предполагает 1) освещенность, 2) отсутствие препятствий для визуального восприятия и 3) наличие существ, обладающих зрением. В белорусской сказке «Несчастный Егерь» *відны свет* употреблено в том же смысле, что и *белый свет* в других сказках. Семантическая оппозиция 'видимый' — 'невидимый' вообще характеризует особенности «этого света» и «света иного».

В сказках синонимами белого света являются вольный свет, вольный белый свет, божий белый свет, верхний свет, русский свет.

Наряду с *белым светом* пространственную структуру реальности в сказках конституируют «земля иноверская», «подземельное темное царство, где

люди всё делают с огнем», «нижний свет», «подземельная сторона», «подводное царство», «морская глубина». Последние могут характеризоваться как «тот свет», но последнее определение относительное — оно всегда определяется текущим расположением героя: когда он находится в подземном царстве, «тот свет» для него именно «белый свет», с которого он попал в этот «нижний свет».

В сказках относительность миров выражается в том, что, когда герой попадает в иной мир, он замечает, что там такой же мир, как и тот, из которого он пришел: «Солдат не убоился и вслед за нею кинулся в то провалище: упал в глубокую-глубокую пропасть, отшиб себе все печенки и целые сутки лежал без памяти. После опомнился, встал, осмотрелся — что же? — и под землей такой же свет. «Стало быть, — думает, — и здесь есть люди!» [1, т. II, с. 281].

Однако и в этом случае может отмечаться существенная особенность «того света» — отсутствие живых людей: «Взошел солдат в караульню — народу много, и стоят и сидят, только все окаменелые; пустился бродить по улицам — везде то же самое: нет ни единой живой души человеческой, всё как есть камень!» [1, т. II, с. 281]. Соответственно, в народной культуре отмечается регулярная связь «того света» с миром мертвых: «Скоро я белый свет покину, уж смерть за плечами стоит» [1, т. II, с. 32]. Эта же идея выражается в сказках фразеологизмами *гнать с белого света, сживать с белого света, изводить с белого света*. Лишь изредка «этот свет» и «тот свет» различаются по световому признаку, когда иной мир явно характеризуется **темнотой**: «Долго-долго странствовал, много земель и много морей видел, наконец прилетел на край света, стоит избушка, а дальше никакого ходу нет — одна тьма крошечная, ничего не видать!» [1, т. II, с. 278–279].

Важно отметить и случай, когда для характеристики «этого света» и «того света» используется цветовой символизм: дочь бабы-яги ведет Сосну-богатыря в чулан, «в том чулане два кувшина стоят: в синем — сильная вода, в белом — бессильная. «Когда будешь с матушкой драться, выскочи скорей в двери да в чулан, выпей всю воду из синего кувшина и перелей в него из белого»»; «Сосна-богатырь побежал в чулан, выпил из синего кувшина всю воду, перелил в него из белого, воротился в избу, ухватил бабу-ягу и ударил об пол» [1, т. I, с. 249–250]. Здесь очевидно, что содержимое белого кувшина предназначено гостю с «белого света», тогда как содержимое синего кувшина — обитательнице «того света».

С точки зрения структуры «этого света» «белый свет» противопоставляется прежде всего близкому миру «своего» — дому, деревне, своему царству. Именно из этих локусов удаляется сказочный герой в «белый свет» на встречу своей судьбе: «Чем этаким богатырям дома сидеть, лучше по белу свету погулять, себя показать, людей посмотреть» [Афанасьев I, с. 484].

Далее, «белый свет» **обширен и велик**: «Как подумаешь, куда велик божий свет!» [1, т. II, с. 332]. Он предстает как совокупность «земель» и «царств», многообразие которых описывается формулой «тридевять земель», «тридесятое царство». И все же **конечен** — у «белого света» есть «край»: «край света, где красное солнышко из синя моря восходит» [1, т. I, с. 344]. Этой край света ин-

интересен тем, что именно на нем свет как целое разворачивается в своей вертикальной проекции. Вне этой лиминальности мира белый свет предстает преимущественно в горизонтальной проекции: все перемещения героя плоскостны («на все четыре стороны»), символизируются путем-дорогой, за редким исключением, когда герою для обозрения горизонта (видимого мира) приходится взбираться на высокое дерево. На краю света небо (верхний, горный свет) соединяется с землей, но там же находится вход («яма», «нора», «подземный ход») в подземный мир. В сказках небеса доступны герою и в других локусах, если ему удастся взобраться на них по высокому дереву, гороховому стеблю и т.д., но нигде они не оказываются так близки, как на краю света.

В традиционной народной космографии белый свет — срединное пространство троимирия. Но сама структура космоса ни к какой мере не мыслится как статичная. Качественные параметры образующих ее миров определяются не только текущим положением героя, но и моментом времени. Не случайно в этом смысле указание на то, что край света находится там, «где красное солнышко из синя моря восходит». Это не только место где-то далеко на востоке, но и предрассветный час, предвещающий начало нового дня (ср. «ко белу свету» 'на рассвете' в русских былинах). Три отмеченных момента времени в суточном цикле проектируются в русской сказке «Василиса Прекрасная» на основную цветовую триаду: «скачет мимо ее [Василисы Прекрасной] всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая, — на дворе стало рассветать»; «Идет она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, — стало всходить солнце»; «едет опять всадник: сам черный, одет во всем черном и на черном коне; подскочил к воротам бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, — настала ночь» [1, т. I, с. 129]. Баба-яга объяснила Василисе, что белый всадник — «это день мой ясный», красный всадник — «это мое солнышко красное», а черный всадник — «это ночь моя темная — всё мои слуги верные!» [1, т. I, с. 130–131].

Этот пример интересен тем, что в нем пространственные и временные параметры сочетаются в динамическом пространственно-временном единстве. Всякий свет оказывается белым в своем дневном аспекте и черным в ночном. В норме ночью люди спят (символически сон = смерть), по ночам блуждают лишь сомнамбулы (в своем теле) и разного рода нечисть (бестелесные сущности низшего порядка). Именно этим обстоятельством объясняется представление, что «там свет такой же, как у нас», «и под землей такой же свет». И действительно, в царстве бабы-яги точно так же скачут белый, красный и черный всадники, а сама баба-яга выправляется по своим делам в полдень по времени своего света: «Промелькнул красный всадник — вошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает» [1, т. I, с. 130]. Очевидно, отправляется она на «белый свет», подобно «нечистому», который «полетел творить пакости; известно — нечистый дух! На месте никогда не сидит, а все по свету рыщет да людей смущает, на грех наводит» [Афанасьев II, с. 199], и змею, который «улетел из подземного царства по белому свету гу-

лять» [1, т. I, с. 202]. Надо полагать, что на «белом свете» в это время полночь — самое время для разгула нечистой силы.

Динамизм пространственно-временной структуры проявляется и в том, что сами моменты времени наступают тогда, когда олицетворяющие их персонажи появляются в определенном месте пространства. Это справедливо как в отношении суточного цикла, так и годового (ср. *наступила зима, прошел Новый год* и т. п.).

Но и в годовом цикле день на день не приходится: есть дни белые, есть дни красные, есть и черные: *Деньга про белый день, деньга про красный день, да деньга про черный день*. Черный день — день «несчастный, пора бед, нужды»: *Паси денежку про черный день*. Ему противоположен красный день, семантика которого проясняется из выражений красная пора, красное житье — «раздолье, избыток, довольство». Позднее красный день (календаря) — праздничный день, как правило, особенно изобильный в блюдах. В таком случае белый день — это день обычный, **нормальный**, без избытка и недостатка, что подчеркнуто удвоением световой семантики (праслав. *dьнь из н.-е. *di-/*dei- 'светить'), как и в белый свет. Здесь белый цвет означает соответствие норме, тогда как красный и черный цвета — отклонение от нормы, соответственно, в положительную и отрицательную стороны.

Цветовую палитру космической горизонтали дополняют *синее море* — граница между белым светом и подземным царством мрака и тьмы (в системе отсчета этого света), *зеленый сад, зеленые луга, зеленые (но также темные) леса*, бесцветные *чистые поля*, находящиеся всегда где-то посередине, *желтый песок* (на морском берегу), *золотая гора*. Так что белый свет в горизонтальной проекции многоцветен.

Где-то далеко в *синем море* располагают русские заговоры *белый остров* (чаще известный как *остров Буян*, также *белый Буян, святой Божий остров* и др. редкие варианты [2, с. 248, с. 254]) — средоточие святости, как свят только что созданный мир. Здесь даль одновременно и пространственная (край земли, непосредственная близость к небу), и временная (близость к моменту творения). Ср. также сказания русских староверов о *Беловодье* — далекой свободной и беспечальной стране.

А близкий, свой мир именно в силу связанности системой межчеловеческих отношений приобретает эпитет *красный*, разумеется, в смысле высокой положительной оценки, но не без цветовых коннотаций, ассоциированных со словом *красный* в русском языковом сознании, ср. *Не тем красен мир, что трубят в трубы, а тем, что люди людям любы, На миру и смерть красна*.

В вертикальной проекции модели мира в его дневном аспекте основная цветовая триада белый — красный — черный, как правило, соотносится с триадой верх — середина — низ, которой соответствуют небо, срединное (воздушное) пространство и земля. В этом ключе, как представляется, следует интерпретировать пример, приводимый В.И. Далем: *Красное солнышко на белом свете черную землю греет*. Здесь белый свет означает дневное небо, объемлющее собою все видимое пространство, в том числе и солнце с землею. Солнцу

отводится срединное положение, так как в своем видимом движении оно совершает постоянные восходящие и нисходящие перемещения между небом и землей. Медиативность солнца выражается также в представлении, что оно одинаково светит хорошим и плохим, будучи вне оппозиции добра и зла, что вполне согласуется с семантикой красного цвета. Соответствие земли космологическому низу в данной проекции и ассоциация с черным цветом очевидны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев И. П. — Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. / Изд. подгот. Л.Г. Барг, Н.В. Новиков. — М., 1984.
2. Агапкина, Т.А. Сюжетный состав восточнославянских заговоров (мотив мифологического центра) / Заговорный текст. Генезис и структура. — М., 2005. — С. 247–291.